

**«Мы с тобой» как форма внутреннего монолога
в поэзии позднего О. Мандельштама**

Одной из важнейших характеристик поэзии позднего О. Мандельштама является повышенная коммуникативность. Ю. И. Левин писал: «У позднего Мандельштама доминируют установки на адресанта, адресата и контакт» [1]. Ориентация на адресата выражается в использовании местоимений «ты», «твой», формы глагола второго лица единственного числа и имени существительного в значении апеллиатива. Лирический субъект может обращаться к лицам и не к лицам. Одним из наиболее типичных обращений к лицам в лирике является обращение к возлюбленной [2].

Хотя для позднего О. Мандельштама не характерна любовная лирика в традиционном виде (мы подразумеваем здесь стихотворения, полностью построенные как обращение к возлюбленной и где любовные отношения являются единственным смысловым центром), есть ряд текстов, где адресатом «ты» является женщина: его супруга Надежда Яковлевна, Ольга Ваксель, о смерти которой поэт узнал в Воронеже, скрипачка Галина Баринова, поэтесса и переводчица Мария Сергеевна Петровых. В данной работе мы рассмотрим лишь одну особенность обращения к Надежде Яковлевне Мандельштам (далее – Н. Я.).

В большинстве стихотворений, обращенных к Н. Я., используется не просто местоимение «ты», а формула «мы с тобой»: *Куда как **страшно нам с тобой**,/Товарищ большеротый мой!; **Мы с тобой** на кухне посидим; **Мы с тобою** поедem на «А» и на «Б»/Посмотреть, кто скорее умрет; Полуукраинское лето **давай с тобою** вспоминать*. В этом выражается восприятие О. Мандельштамом судьбы Н. Я. как неотделимой от своей, представление об их единстве. Сравним с воспоминаниями Н. Я.: «О. М. не свойственно было бояться за меня – он не представлял себе, что у меня

может быть отдельная судьба или что я его переживу. Скорее, он боялся болезней и смерти. <...> Но для живой – ничего его не пугало: "как со мной, так и с тобой" – это обычная его присказка» [3].

Обращение «мы с тобой» интимно и по-домашнему ласково. Стихотворения, где оно используется, отличаются игриво-панибратским тоном, за которым, однако, прочитывается горечь и страх за судьбу другого. Используются шутливые домашние номинации (*товарищ большепотый мой, целкунчик, дружок, дурак*), языковая игра, выраженная в употреблении окказионализма *полуукраинское*, высказываются по-детски наивные желания (*А мог бы жизнь просвистать скворцом,/Заест ореховым пирогом*). И даже в страшной фразе – *Мы с тобою поедим на «А» и на «Б»/Посмотреть, кто скорее умрет* – описываемое действие представлено как некая забава, игра, на первый план ставится не смерть, а любопытство (это некий семантический сдвиг, диссонанс).

Во всех рассматриваемых текстах описывается домашняя, бытовая или повседневная картина. В стихотворении «Куда как страшно нам с тобой...» речь идет о таких мелочах как крошащийся табак и ореховый пирог, которые превращаются в символы трагической и благополучной судьбы; стихотворение «Мы с тобой на кухне посидим...» построено как противопоставление теплой уютной кухни и холодного вокзала; в стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» представлена городская картина с ее особым для О. Мандельштама атрибутом – трамваями; примечателен интимный тон домашнего разговора в строках *Полуукраинское лето/Давай с тобою вспоминать* («Пластинкой тоненькой жиллета...»).

Но внешнее, бытовое оказывается лишь толчком для мысли лирического субъекта. Так, в начале стихотворений «Куда как страшно...» и «Мы с тобой на кухне посидим...» процесс говорения совпадает с происходящим, в первом случае на это указывает настоящее время глагола (*крошится*), во втором – также время глагола (*пахнет*) и чувственно-реалистичное описание картины *Сладко пахнет белый керосин;/Острый нож да хлеба каравай.../Хочешь примус*

туго накачай – лирический субъект сейчас ощущает запах, видит нож и хлеб. Но настоящее время сменяется сослагательным наклонением, то есть мысль лирического субъекта уже занимает не происходящее непосредственно в данный момент, а нечто другое, он как бы отрывается от действительности, вследствие чего создается ощущение, что перед нами не реальная беседа, а внутренняя речь лирического субъекта, его мысленное обращение к адресату.

В стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...» после обращения *Давай с тобой вспоминать* происходит смена адресата, и лирический субъект обращается уже к вспоминаемым картинам, к своим ощущениям, а не к своему собеседнику. Он лишь приглашает последнего присоединиться к процессу воспоминания, и далее его внимание обращается к другому.

В стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» происходит постоянная смена фокализации, в центре оказывается то «я», то «мы с тобой», далее «мы» разделяется: *Ты как хочешь, а я не рискну!* Такое непостоянство точки зрения, фокуса свойственно, скорее, для внутренней работы мысли, которая совсем не обязательно развивается линейно (скорее, ассоциативно), а не для разговора вслух.

Адресат же во всех стихотворениях остается безмолвен, «ты» здесь пассивно. Лирический субъект обращается к нему с констатацией фактов или с предложением выбрать какое-либо действие, но не требует ответа. Это также указывает на то, что данные обращение – внутренние монологи лирического субъекта. Даже при абсолютной интимности обращения, восприятию адресата как «моего "ты"» [4], речь лирического субъекта остается внутренней, он не впускает в свое мысленное пространство другого.

Литература

1. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 126.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 96.
3. Мандельштам Н. Я. Третья книга: [воспоминания]. М., 2006. С. 337.
4. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М. : Согласие, 1999. С. 145.